

ЧТЕНИЯ ПАМЯТИ АЛЕКСЕЯ ИВАНОВИЧА КУРЕНЦОВА

A. I. Kurentsov's Annual Memorial Meetings

2018

вып. XXIX

<https://doi.org/10.25221/kurentzov.29.1>

<http://urn:lsid:zoobank.org:pub:2986D421-E72A-41E5-8A89-B43F2A296B88>

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АГЕНТОВ ДИЛЕРА НАТУРАЛЬНЫХ КОЛЛЕКЦИЙ РУДОЛЬФА ТАНКРЭ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ

Е.В. Новомодный

КГБНУК «Хабаровский краевой музей им. Н.И. Гродекова», г. Хабаровск
E-mail: evgenov@mail.ru

Благодаря длительным поискам появилась возможность впервые обобщить сведения о деятельности коллекторов фирмы Рудольфа Танкрэ, дилера предметов натуральной истории из северогерманского города Анклам, а также о нем самом как сведущем орнитологе и лепидоптерологе. Их многочисленные качественные сборы стали достоянием науки, обрабатывались выдающимися учеными, бережно хранятся в крупнейших депозитариях. Установлено, что этими людьми были три поколения семейной династии таксидермистов Рюкбейль, происходивших из поволжской колонии Сарепта религиозного евангелического братства саксонского города Гернгут, амурские казаки Раддевской станицы Алексей Кобызов и Владимир Епифанцев, прусский лепидоптеролог Вильгельм Мау из Альтоны, города-спутника Гамбурга.

В науке XIX-XX вв. было немало случаев, когда любители природы из числа магнатов, финансовых воротил и богатых людей высшего света, являвшихся рабами всепоглощающей страсти собирателя-накопителя, владели крупными естественнонаучными коллекциями и частными музеями. Они могли себе позволить выступить в роли меценатов для рядовых коллекционеров, поддерживать их поездки и научные занятия, хорошо оплачивать труд сборщиков полевых материалов, и даже, бывало, полностью взять на себя их содержание. В связи с непредсказуемостью личных пристрастий, им требовалось что-то конкретное, особенное, уже первично отсортированное. Вот для такого сегмента рынка раньше существовали специальные фирмы, аккумулировавшие предметы естественно-исторического свойства. Характерно, что зачастую они действовали во втором эшелоне, следуя по пути первопроходцев – военных и академических экспедиций. Так, например, в докладе, прочитанном

ко Дню 50-летнего юбилея, директор Зоологического музея академик А.А. Штраух отмечал, что во времена Ф. Брандта и Э. Менетриэ (эпоху крупных территориальных приобретений) «наш музей представлял так сказать депо русских животных, которых можно было получить только здесь и нигде более» (Штраух, 1889). А далее он сетовал, что «к сожалению, это положение дел с течением времени изменилось можно сказать даже до противоположного, так как теперь мы принуждены, по крайней мере русских насекомых, и как раз из наиболее интересных частей Империи – Кавказа, Туркестана, Алтая, из Амурской области, выписывать из заграницы, именно из Дрездена», прозрачно намекая на широко известную немецкую фирму «Dr. O. Staudinger & Bang-Naas. Dresden-Blasewitz». О деятельности её агентов, – Г. Христофе, братьях Г. и Ф. Дёррисах, членах семейства Янковских и других мы уже докладывали на прошлых заседаниях «Чтений памяти А.И. Куренцова» (Новомодный, 2003, 2007, 2012).

Одновременно нам удалось установить, что на русском Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX вв. подобным образом действовали люди представлявшие другую компанию, – дилера натуральных коллекций и предметов Рудольфа Танкрэ. В данном сообщении, насколько нам известно, мы впервые пытаемся обобщить разрозненные фрагментарные сведения о нем и его сотрудниках, научном окружении и постоянных клиентах. В основном успех достигнут благодаря развитию цифровых технологий: почти непрерывного пятнадцатилетнего поиска в Интернете по ключевым словам и последующего изучения литературных источников, а еще мы пользовались деловой помощью наших коллег, историков и энтомологов. Все переводы из иностранных источников сделаны нами.

Исходным материалом исследований в 2002 г. стали малодоступные в те времена публикации препаратора гамбургского музея Л. Грезера, для изучения и перевода предоставленные нам Ю.А. Чистяковым, коллегой из Владивостока. Это были результаты систематико-фаунистической обработки сборов чешуекрылых из Приамурья и Приморья за 1881-1885 гг. (Graeser, 1888a, 1888b, 1889, 1890, 1892a). Недоумение вызвал тот факт, что наряду со своими материалами и купца Г.В. Дикманна, Грезер одновременно изучал «объемистые посылки с Амура» от «энтомологического друга Рудольфа Танкрэ из Анклама», в честь которого именовал сразу четыре вида бабочек (их валидные названия): *Lycæides tancrei*, *Nemacerota tancrei*, *Togaria tancrei*, *Meganephria tancrei*. Этого человека исследователь почему-то не упомянул в предисловии среди тех, кому за оказанную помощь выразил благодарность. В качестве мест сборов указаны сс. Покровка, Раддевка, Помпеевка. Источник происхождения изученных бабочек Л. Грезер обозначал так: «Sammlung des Herrn R. Tancreé», «Collection Tancreé», а чаще просто «Coll. Tancreé», что можно понимать двояко, – или как «коллекция Танкрэ», или «собрал Танкрэ».

Имя одного коллектора удалось узнать из записки, случайно встретившейся нам среди архивных документов Приамурского отдела Императорского Русского Географического общества в 2002 г. Приведем ее содержание (стиль письма сохранен, правописание современное).

«В Музей. В Город Хабаровск. Его Высоко Превосходительству. Я осмеливаюсь спросить Ваше Высоко Превосходительство, что не будет ли нужным для Вашего Музея коллекций насекомых, а именно бабочек разного рода дневных и ночных Амурских видов Хинганского Хребта, а также жуков. Так что у меня находится 400 экземпляров бабочек и 300 жуков остатком от прошлого года. Приготовлялись для Германии Господину Рудольфу Танкрэ, [но] по случаю того, что мною в 10 лет [их была ему] предоставлена большая масса, почему и не последовали [не востребованы]. Бабочки находятся не расправлены, а в конвертах, также и жуки. [Поэтому] покорнейше прошу Ваше Высоко Превосходительство уведомить меня, какие можете дать цены по достоинству, если будет потребность в порядочном количестве, то могу загото[вить] свежих. И [мне] был бы расчет охотиться. На что ожидаю вашего Сведения Высоко Превосходительство. Со многим уважением Покорный Вам Слуга Казак Алексей Степанов Кобызов. Раддевского Округа Ст: Радде. 1901 года. Июня. 6-го». (Фонды Хабаровского краевого музея им. Н.И. Гродекова, ХКМ КП 7032. Л. 340).

Маловероятно, что сделка состоялась. А.С. Кобызова нет в списках доставлявших музейные экспонаты, но как сообщил В.В. Дубатолов (ИСиЭЖ, Новосибирск), такая фамилия встретилась ему на этикетке в коллекции чешуекрылых ЗИН РАН (СПб), – значит, сборы доставались не только Танкрэ. Казаки охотились, выделяли шкуры пушных зверей, а Кобызов был даже тигрятником! Об этом есть свидетельство проезжавшего по Амуру русского дипломата, охотника и писателя Е.П. Демидова (1868-1943), по пути на Камчатку в июне 1900 г. он сделал короткую остановку в станице Радде. «Там нас встретили два казака, чьи рассказы об охоте [в Хинганских горах] подняли настроение. Один из них, по фамилии Kobosoff прошлой зимой убил двух тигров. Они сообщили, что здесь много медведя, изюбря, косули и кабана, а также есть таинственное животное, обитающее в скалах, размером с крупную овцу, которое они называют иманом. Мы предположили, что судя по их описанию, это должна быть своего рода антилопа серая, поскольку по их словам рога у нее были не очень длинными» (Demidoff, 1904). Значит, горал тогда еще водился на Хингане!

Раньше мы ошибались, считая «что Танкрэ много лет [сам] собирал здесь бабочек, разъезжая по делам своей торговой фирмы» (Новомодный, 2003). Ведь и Л. Грезер в связи с амурскими материалами не называл других имён. С нашей подачи авторская версия доклада сначала была обнародована в Интернете, на посвященном памяти известного сибирского энтомолога Ю.П. Коршунова сайте (Новомодный, 2002). К сожалению, в сборнике докладов редакция сократила бумажный вариант, документ эпохи туда не попал (Новомодный, 2003). А между тем, как показало будущее, именно благодаря нему история обросла новыми подробностями.

Наш современник, потомок раддевских казаков-гуранов Евгений Харин разместил в Интернете эссе по истории своего рода. В частности, вот что он пишет о прадеде: «Владимир [Павлович] Епифанцев, отец моей бабушки, родился и умер в станице Раддевка. Начну с фотографии которая была в нашем семейном альбоме. На ней изображен Владимир Епифанцев, сидящий за столом, а на стене в рамке висит коллекция бабочек. Когда я спросил

бабушку, что это за коллекция, то она поведала мне следующую историю. Ее отец, [он служил волостным писарем], занимался сбором бабочек, которых отправлял. А вот куда отправлял, никто не знает. Знали только, что письма ответные приходили на немецком языке, даже после его смерти». Своих дочерей тоже заставлял ловить. Его жена, мать одиннадцати детей Анна Моисеевна Шулахова была сиротой, воспитывалась в семье Кобызовых. Далее Е. Харин повторяет содержание известной записки из нашей Интернет-публикации и справедливо заключает: «Что же я смог выяснить из всего этого, – так это то, что долговременным участком сбора бабочек и насекомых для фирмы Танкрэ была станица Раддевка. Получается что помимо Владимира Елифанцева, такими же сборами занимался еще казак Кобызов, и может быть еще кто-то, которые еще и получали жалование за свою работу» (Харин, 2009).

Наверное, Е. Харин не сильно удивился бы, если бы узнал, что его родственник или однофамилец тоже участвовал в ловле насекомых. Во время поездки в Восточную Сибирь летом 1912 г. на довольно продолжительный срок в этой станице с понятными целями останавливался известный немецкий колеоптеролог и торговец насекомыми Бодо фон Бодемейер (Bodemeyer, Wilhelm Eduard Leopold Bodo von; 1883–1929). Как написал он в своей книжке, подробно рассказывающей о путешествии, «я нанял надежного казака Николая Харина, который усердно и верно мне помогал» (Bodemeyer, 1927).

Если Танкрэ сам не бывал на Амуре, то кто же организовал казаков на проведение энтомологических сборов? Инкогнито его агентов открылось лишь благодаря свидетельству О. Штаудингера, конкурента по бизнесу. В обзоре лепидоптерологических исследований на Амуре он сообщил, что в 1876 г. «житель Сарепты г-н Гуго Христоф, известный как отличный коллекционер, предпринял поездку по моему предложению [читай: на мои деньги]. В качестве компаньонов ему сопутствовали два молодых брата Rückbeil (по современным правилам нужно читать «Рюкбайль»), которые на самом деле хотели собирать только шкурки птиц и их яйца для г-на Танкрэ, а для нас – бабочек во время массового лёта. Но в первый же год они с Христофом расстались, отослав Танкрэ [помимо птиц] и бабочек тоже. Один брат поселился в Благовещенске, и уже оттуда, как и из других мест по Амуру, почти ежегодно отправлял бабочек Танкрэ, в то время как другой в течение ряда лет собирает в Центральной Азии». «Ещё позднее и рюкбейлевский шурина [брат жены], простой казак, собирал здесь [на Амуре] и на Уссури» (Staudinger, 1892). Вывод: один из них женился на девушке из амурских казаков, а её братом мог быть либо А.С. Кобызов, либо В.П. Елифанцев!

В своих «письмах с Амура» Г. Христоф имён не называл. Только сообщал, что, выехав из Сарепты, «в Москве соединился с двумя спутниками, которые должны были собирать птиц и яйца для немецкой орнитологии в Приамурье, и были готовы в свободное от охоты время помогать мне в сборе насекомых» (Christoph, 1878). После совместной работы в Радде, Помпеевке, Стариковой и других местах на Хингане, в конце лета он вынужден был один отправиться ловить в Приморье (в то время очень опасное предприятие: еще не были разгромлены зверствовавшие там разбойники-хунхузы!), а молодые люди решили отделиться и провести зиму 1876/77 гг. в Радде (Новомодный, 2007).

Л. Грезер тоже мало чем помог нам в разрешении данной загадки, нигде ни словом не упомянув, что имел дело со сборами братьев с Амура. Он привел имя только одного, но уже как азиатского исследователя: «новые виды были собраны господином Eugen Rueckbeil в различных местах Центральной Азии», уточнив при этом, что «все экземпляры, которые послужили мне для описания, находятся в коллекции господина Р. Танкрэ в Анкламе» (Graeser, 1892b). Как положено, два были названы в их честь: это *Eriogaster neogena rueckbeili* и *Stenoceratoda tancrei*.

Родовое гнездо братьев среди поколения советских энтомологов стало известно благодаря русскому путешественнику и лепидоптерологу Г.Е. Грумм-Гржимайло (1860–1936), точнее, посвященной ему сыном Алексеем книге. Там написано мелким шрифтом, что во время летних каникул 1883 г., целиком отданных энтомологическим сборам в Поволжье, «в Сарепте он познакомился с известным коллектором и страстным охотником Рюкбейлем, работавшим на торговую фирму Танкрэ в Анкламе. Этой фирме Рюкбейль доставлял шкурки птиц, их яйца, мелких грызунов, а из насекомых – бабочек и жуков. Для сбора их он предпринимал экспедиции вглубь Азии, откуда привозил огромный материал. С Рюкбейлем Г.Е. впоследствии долго поддерживал тесную связь, интересуясь его коллекциями» (Грумм-Гржимайло, 1947). Отсюда нами был сделан вывод, что по-русски фамилию следует произносить и писать по-старому, через «Е». Удивились по-видимому натянутым отношениям с Г. Христофом, таким же как они жителем Сарепты – колонии Братства евангелистов-гернгутеров. (Новомодный, 2007). И это несмотря на то, что именно он за три месяца на Малом Хингане преподавал им методику энтомологических сборов, а возможно еще учил чему-нибудь в школе!

За прошедшие годы нам удалось получить небольшие, но заслуживающие доверия сведения о личности и предпринимательской деятельности Рудольфа Танкрэ (24.12.1842, Анклам – 19.09.1934, Анклам). По-немецки пишется так: «Tancre, Rudolph Johannes», или «Tankré, Rudolf»; но по-русски эту фамилию иногда переводят как «Танкре», а ведь буква «é» по-французски всегда должна произноситься как «э»! Всю жизнь он провел в родном городе (поскольку неизвестно о далеких поездках), небольшом ганзейском г. Анклам на севере Германии, в исторической области Передняя Померания.

Его родина – край бесчисленных озер и торфяных болот, вересковых пустошей и заросших лесом небольших возвышенностей, – моренных гряд отступившего ледника. Рядом, через мост, отделённый р. Пёне, начинается большой о. Узедом, лежащий в Балтийском море напротив устья р. Одер, – водной столбовой дороги на юг, в сердце Германии. Места эти – рай для охотников на пернатую дичь и бёрдвотчеров, любителей наблюдать птиц. Не удивительно, что среди жителей Анклама таких во все времена было много. Вот и его земляк, пионер самолетостроения инженер Отто Лилиенталь (Lilienthal, Karl Wilhelm Otto; 1848–1896), заложивший научные основы теории планеризма, пришел к этому через изучение парящих птиц. В 1889 г. он выпустил книгу-бестселлер, вошедшую в историю авиации: «Полет птиц как основа искусства летать».

В единственном при жизни опубликованном биографическом очерке о Танкрэ, посвященном его 90-летию юбилею, отмечалось, что он «является

страстным охотником, причем не только большим другом природы, но и исследователем, признан цеховиками от науки, которые дали его имя трём-четырёх бабочкам, грызуну и куропатке, чем обеспечили вечный памятник как натуралисту. Хотя любовь эта распространялась на всю фауну и флору, но всё же он испытывает особенную предрасположенность к бабочкам. В мудром самоограничении он и среди них выбрал для себя достаточно узкую область знаний, но область с очень широкими границами. Все они – это исключительно сибирские бабочки, маленькие неприметные малютки, которых он упорно собирает. Численность его [коллекции] сибиряков достигла внушительной цифры примерно в 30.000 экземпляров. Но наряду с этим у него есть большой ящик, в котором находятся большие роскошные бразильские бабочки и другие великолепно окрашенные южноамериканцы. Тем не менее, самой большой радостью в жизни для него всегда была охота. Каждый анкламский ребёнок узнавал его, когда со своим слугой Карлом Ягером (Jager Karl) он широкими шагами с поразительной быстротой двигался по полям и лугам, оставлявшей далеко позади гораздо более молодых товарищей. Меткий выстрел всегда настигал самую трудную дичь» (Анопум, 1933). Отметим, что Дальний Восток для немцев – это Сибирь, с чем мы никогда не сможем полностью согласиться, глядя на один из символов его фауны, великолепную *Brahmaea tancrei* Austaut, 1896!

Его отец, Карл Танкрэ (Tancre, Carl August), фармацевт и химик-парфюмер, фабрикант и член анкламского магистрата был владельцем местного мыловаренного завода, основанного в 1835 г., автором книги по технологии производства туалетного мыла, когда-то считавшейся лучшим руководством (Tancre, 1839). Судя по всему, он тоже интересовался орнитологией. Случилось так, что уже в молодом возрасте Рудольф стал управлять отцовским детищем. Как отмечал биограф, под его умелым руководством дело расширилось, а выпуск продукции из года в год возрастал (Анопум, 1933). Самым ходовым, популярным был разработанный по рецепту отца сорт мыла «Hubertus», названный так в честь святого покровителя охотников христианского епископа Губерта Льежского, по данным «Википедии» ставшего праведником на почве встречи во время охоты с божественным чудом, – благородным оленем, несшим на голове между рогов сияющий крест.

Понятно, почему в биографическом очерке о другом его бизнесе, торговле натуралиями нет ни слова. Дело это негромкое, все подробности – в частной переписке. По нашей просьбе историк-орнитолог Е.Э. Шергалин (Таллин, Эстония) сфотографировал в Лондоне три архивных письма Танкрэ в Зоологический музей сэра Уолтера Ротшильда «Natural History Museum at Tring», к орнитологу Э. Хартерту (Hartert, Ernst Johann Otto. 1859–1933), а носитель языка Ханс Ротхаушер (Бюлькау, Германия) помог оцифровать трудночитаемый рукописный текст. Их содержание тематически соответствует тому, чем во все времена обмениваются коллекционеры: условия пересылки, покупки или обмена материала, просьбы об определении, научные новости, волнения по поводу получения посылок и денег, – они и тогда терялись! К сожалению, зачастую невозможно до конца разобрать суть ответов на вопросы из предыдущих писем, намеки на обстоятельства и, как правило, сокращенные названия биологических таксонов, – единомышленники понимали друг друга с полуслова. Однако трудно

переоценить роль писем в распространении научных знаний в прошлом. Так было заведено: когда редакторы зоологических, ботанических и иных подобных изданий научных обществ считали нужным, они сами, не спрашивая разрешения, публиковали выдержки из сообщений своих корреспондентов. Это не было чем-то предосудительным, ссылки на источник информации было достаточно. Такими по содержанию являются все известные нам орнитологические публикации Р. Танкрэ: они касаются новых или редких находок и фаунистических списков (Tancre, 1879, 1881b, 1882, 1888).

О ближнем круге его товарищей. Огромное влияние на Р. Танкрэ оказала дружба с крупнейшим коллекционером, орнитологом-любителем, дворянином и землевладельцем Евгением фон Гомейером (Homeyer, Eugen Ferdinand von; 1809—1889), «отцом померанской орнитологии» из г. Медов, расположенного близко от Анклама. Такого звания среди коллег он удостоился за подготовку и издание в молодом возрасте (28 лет!) монографической сводки по птицам Померании (Homeyer, 1837). Он один из трех основателей Немецкого орнитологического общества (1850 г.), и в 1876-1883 гг. был его президентом. Несколько раз путешествовал по Европе вместе со знаменитым А. Бреммом. Сумел заразить своим увлечением племянника Александра. Его коллекция европейских птиц, а в ее составе имелись практически все таксоны, расы и разновидности, препараты разных стадий развития и возрастных изменений, которая по количеству (6.797 экземпляров, 1.111 таксонов) могла быть сравнима только с гигантским собранием великого орнитолога пастора К. Брема-отца, после смерти, была по частям в течение десяти лет продана в старейший европейский естественнонаучный музей в нижнесаксонском г. Брауншвейг (основан в 1754 г.), «Des Staatlichen Naturhistorischen Museums in Braunschweig» (Gebhardt, 2006). К этой коллекции прямое отношение имел Рудольф Танкрэ. Он был ее соавтором, так как лишь пройдя через его руки, попала туда немалая часть препаратов.

Насколько богатая коллекция птиц имела у самого дилера, имеется свидетельство другого его друга-орнитолога, доктора Вильгельма Блазиуса (Blasius, Wilhelm August Heinrich; 1845-1912), директора вышеуказанного музея. В 1884 г. он совершил ознакомительную поездку в Переднюю Померию, где провел экскурсию по окрестностям Анклама и побывал в гостях у Р. Танкрэ и А. фон Гомейера дома. Вскоре был опубликован отчет, в котором В. Блазиус подробнейшим образом описал коллекции этих людей (Blasius, 1884a). На одиннадцати страницах его работы перечисляются сотни видов мировой фауны птиц, находящихся у Танкрэ, причем чаще представленных не в одном, а в нескольких или даже в десятках экземпляров. По существу это был как мы сейчас понимаем своеобразный склад-магазин естественнонаучных товаров, но как-то не верится, что все они принадлежали ему на правах собственности!

В 1881 г. благодаря Р. Танкрэ в руки В. Блазиуса попали мелкие млекопитающие, добытые кем-то из Рюкбейлей в горах Алтая. После изучения восьми особей он описал грызуна, – восточную слепушонку *Ellobius tancrei* (Blasius, 1884b). Сейчас этот вид у всех биологов что называется на слуху. Оказалось, что в его природных популяциях наблюдается удивительное разнообразие хромосомных наборов (до 15), причем не все варианты скрещивания фертильны, – живой образец аллопатрического видообразования.

Пример казуса, который происходит, когда из научных данных делают коммерческую тайну, приводит русский академик-зоолог Пётр Петрович Сушкин (1868–1928) в своей книге «Птицы Советского Алтая и прилежащих частей Северо-Западной Монголии» (1938). Дело в том, что по алтайским сборам 1881–1883 гг. одного из Рюкбейлей, Е. фон Гомейер и К.А. Танкрэ (отец Рудольфа) опубликовали большую сводку (Homeyer et al., 1883). Там упомянуто 205 видов птиц, и если оценивать по тому времени, это много! Сохранилось и валидно название, данное ими восточной куропатке *Perdix perdix robusta* Homeyer & Tancre, 1883. Как нам кажется, все очень неплохо, но П.П. Сушкин возмущался другим: «Весь этот богатый материал был обесценен обработкою его, в особенности отсутствием дат и местонахождений, а что еще хуже – неправильной этикетировкой. По большей части о времени добычи или находки данного экземпляра совсем не упоминается, и только в двух-трех случаях мы имеем такую датировку, как «ранняя весна» или «поздняя осень». Местности указываются в неопределенных выражениях, как, например, «Алтай», «окрестности Алтая», «степная местность», – без всяких дальнейших разъяснений». Только для одной птицы к слову «Алтай» прибавлено «Кантерлик», что очевидно должно означать Кендерлык. «Но это название носит один из южных притоков нижнего течения Кара-Иртыша, сбегаящий с Восточного Тарбагатая или с гор Саур, а, кроме того, так же называется селение, расположенное на этой же реке, в 10 км к востоку от Зайсанска, а это как раз район, совсем несвязанный с Алтаем ни фаунистически, ни орографически». «Все недочеты этой работы приходится отнести исключительно за счет обоих этих авторов, которые как бы умышленно избегали точных данных, даваемых Рюкбейлем. Экземпляры птиц этого собирателя, которые я видел в разных музеях (в том числе алтайские сборы), имели более или менее точные даты и местонахождения на оригинальных этикетках. Таким образом, разбираемая работа по существу совершенно бесполезна» (Сушкин, 1938). Как говорится, наши комментарии излишни.

Как известно, Танкрэ назвал восточно-азиатский вид бабочки-нимфалиды *Limnitis homeyeri* в честь еще одного друга, майора Александра фон Гомейера (Homeyer, Alexander von; 1834–1903), а вовсе не Евгения Фердинанда, его дяди, как не заглянув в текст первоописания, часто считают. Наше внимание привлекла фраза из этой статьи: «Мой сборщик прислал мне ее из Благовещенска, а Христоф с конца июня до середины июля находил около [станции] Раддевской» (Tancre, 1881a). Которую поняли так: Христоф, еще находясь в Радде, сразу разобрал, что нашел нечто новое, а Рюкбейль передал эти сведения Танкрэ, который публикацией опередил первооткрывателя? (!)

Хотя Александр выбрал для себя карьеру военного, это был сложившийся ученый. Находясь на военной службе, он в то же время серьезно занимался орнитологией, более ста пятидесяти работ! Много путешествовал, собирал коллекции в Западном Средиземноморье, Дании, Венгрии, на Балканах, в Анголе; в эпоху колониальных захватов, в 1874 г. возглавил немецкую географическую экспедицию в Центральную Африку, поэтому в мире знаменит прежде всего как африканский исследователь. В 1878 г. по болезни вышел в отставку и взялся за обработку пяти тысяч привезенных из Анголы бабочек. Коллекция чешуекрылых, собранная за восемнадцать лет, состояла из почти

50.000 экземпляров (Gebhardt, 2006). То, какие виды были представлены в ней, можно узнать из вышеупомянутого отчета В. Блазиуса (Blasius, 1884a). Там же он цитирует очень интересное письмо А. фон Гомейера от 12.01.1884 г., в котором тот объясняет причину охлаждения к орнитологии и свое новое научное кредо: осознанный выбор в пользу изучения чешуекрылых. Оказывается, он предполагал что на их примере будет более понятно влияние местного климата, качества корма и других условий на внешний вид животных, изменчивость признаков. Молодого Гомейера измучил вечный вопрос систематиков: «Вид это или только форма?» С этой целью он собирал большие серии широко распространенных таксонов из разных географических пунктов, пытаясь доказать, что Ч. Дарвин неправ. Полагал, что виды могут подвергаться модификации под воздействием условий «воспитания» средой обитания, – рассуждал как ламаркист. Он собрал также одну из крупнейших в мире оологических коллекций (14.000 яиц), по завещанию (1906 г.) ее получил зенкенбергский Музей Общества изучения природы, ныне «Forschungsinstitut und Naturmuseum Senckenberg», Frankfurt am Main (Gebhardt, 2006).

Информация в справочнике по мировым энтомологическим коллекциям свидетельствует о большой востребованности его сборов: «Insekten, besonders *Lepidoptera*, spez. die der 1874 zusammen mit P. Pogge unternommenen Loanda-Exped. und Pogge's selbständiger Weiterreise zum Muata-Jamvo, sowie Pogge's zweiter, mit H. von Wissmann 1882 nach Lualaba und dem Kassai-Land unternommenen Reise, ex parte an Zool. Mus. Tring; ex parte direkt, ex parte via G. Quedenfeldt, ex parte via E. Suffert an Zool. Mus. Berlin. Ausbeuten *Coleoptera* von den Balearen, Mallorca und der Loanda-Expedition ex parte via E. Suffert, via O. Thieme an Zool. Mus. Berlin. *Diptera* an Zool. Mus. Berlin. Paläarktis *Lepidoptera* 1904 via E. A. Böttcher / Berlin vereinzelt» (Horn et al., 1990).

С Рудольфом Танкрэ охотно вели дела крупнейшие коллекционеры своего времени, так как его бизнес всегда давал отличные научные результаты. Перед Первой мировой войной для таких как Евгений и Александр Гомейеры, Уолтер Ротшильд, Александр Кёниг, для многих естественно-исторических музеев Европы он был самым надежным поставщиком ценных коллекций из Центральной и Восточной Азии. Орнитологические сборы оттуда и Восточной Европы через него попали в Музей А. Кёнига в Бонне; в ротшильдовский Тринг-музей, – благодаря дружбе с его учеными кураторами Э. Хартертом и К. Джорданом; сборы находятся также в музеях Амстердама и Линца.

Материалы по насекомым разошлись по многим фондохранилищам. Просто удивительно, каким образом удалось авторам известной немецкой монографии проследить очень сложную и запутанную систему продаж: «Verkaufte Ausbeuten (spez. die Rückbeil'schen aus Zentral- und Ost-Asien) ab ca. 1886; ex parte 1905 via R. Püngeler an Zool. Mus. Berlin; ex parte 1918 an Zool. Staatsslg. München; ex parte an Zool. Mus. Hamburg*, ex parte an C. Ribbe, A. Kricheldorf und andere Händler; ex parte via J. H. Leech an Brit. Mus. (N. H.) London. - Hinterlassene Privat-Sammlung *Lepidoptera* und Restbestände 1919 via Staudinger & Bang-Haas / Dresden vereinzelt: Viele Typen via R. Püngeler an Zool. Mus. Berlin; *Geometridae* via E. Wehrli an Mus. Koenig Bonn» (Horn et al., 1990).

Конечно, Рудольф Танкрэ финансировал несколько своих сборщиков, но в истории зоологии его имя неразрывно связано главным образом с представителями семейной династии профессиональных охотников-таксидермистов Рюкбейль. Для молодых братьев дальневосточная эпопея была лишь прелюдией многолетних исследований в Центральной Азии, которые благодаря выдающимся результатам коллекторской деятельности принесли им заслуженную славу. Однако подробный рассказ об этом не соответствовал бы заявленной нами теме, поэтому мы пока ограничимся короткой зарисовкой.

В сборнике документов, касающихся многих сторон жизни Сарепты, опубликованы «Посемейные списки Саратовской губернии Царицынского уезда селения Сарепта членов Братского общества на 1 октября 1877 года» (сост. Вашкау, 2009). Благодаря им удалось выяснить, что там проживали двенадцать носителей фамилии, но сыновей имел один Фридрих Вильгельм Рикбейль, вдовец, 65 лет [то есть 1812 года рождения]. Приведены имена трех сыновей: старший – Альберт Вильгельм, 29 лет [1848 г.р.]; средний – Вильгельм Оскар, 26 лет [1851 г.р.], позже была сделана приписка, что к 1884 г. он уже вел отдельное хозяйство; и младший – Вильгельм Евген, 23 лет [1854 г.р.], который с 1878 г., как указано в приписке, имел собственное хозяйство, в 1878 г. у него родился первый сын – Василий, а в 1881 г. – второй, Егор. Русские жены не указаны как не имевшие прав колонистов-гернгутеров.

Необходимо объяснить, что произошло с немецкой фамилией «Rückbeil» («Rueckbeil») в России. Представим реальности жизни: заглянув в германский паспорт (или иной документ на немецком), волостной писарь переводил ее на кириллицу, – буквы схожи, – в соответствии со своим знанием чужого языка. Понимающий выводил «Рюкбейль», невежда – «Рикбейль». Видимо в русской среде было принято игнорировать знак умляута, и вот пример: петербургский зоолог Е.А. Бихнер в публикациях на немецком языке снова возвращался к своей исходной фамилии «Büchner». В настоящее время в России живут носители обеих форм. Мы уверены, что у них общие корни в Сарепте. Поиск в Интернете показал, что эта фамилия сейчас мало распространена в Германии, но в США и Канаде гораздо чаще, – как «Rickbeil».

Неизвестно как давно проживал в Сарепте отец братьев, гроссфатэр большого семейства (ведь мы знаем три поколения). Но по его данным за 1849–1852 гг. местный профессиональный коллектор Александр Беккер (1818–1901) опубликовал список птиц, встречающихся в окрестностях колонии, при этом почему-то «забыл» назвать источник информации (Becker, 1853). Исправил эту оплошность казанский орнитолог М.Н. Богданов (1841–1888), который указал, что каталог составлен «по наблюдениям В.И. Рикбейля» (Богданов, 1871). Странные инициалы станут понятнее, если вспомнить что немецкие церковные имена свободно трансформировались в православные. Фридрих – это Федор, Вильгельм – Василий, Евген – Евгений, Георг – Егор или Юрий. Отчество также образовывалось по российским меркам, от имени отца, а не второго, третьего имени немца-протестанта, как полагают многие. Вот так Фридрих Вильгельм Рикбейль стал Василием Ивановичем (Иоганновичем).

Как мы уже упоминали, Л. Грезер первым сообщил научному миру, что в русской Средней Азии обосновался работающий на Танкрэ Евгений Рюкбейль

(Rückbeil, Wilhelm Eugen; 1854 – до 1907). Много проживший там доктор зоологических наук В.Н. Шнитников, сам знакомый с его сыновьями, писал: «Е. Рюкбейль долгое время занимался с коммерческой целью сбором зоологических, преимущественно, энтомологических коллекций. Огромные сборы, к сожалению, почти целиком уходили за границу, и в России из них осталось, сравнительно, очень мало. Преследуя коммерческие цели, Р[юкбейль], тем не менее оставался страстным любителем природы и самого процесса коллектирования, занимался сбором коллекций лично, хотя, конечно, и при содействии ряда помощников – тех же киргиз. Все лето Р. проводил в экспедициях, нередко переходя в пределы Китая, и сама обстановка его смерти вполне соответствовала его призванию: он умер в одну из таких поездок, где-то в глухом углу Китая, лежа один в палатке и до последней минуты ведя записи в дневнике. Посланный им за провизией в ближайший населенный пункт единственный его спутник-киргиз, вернувшись, нашел Р. уже мертвым. Преемниками старика Р. были два его сына, из которых один [по нашим данным: Егор Евгеньевич Р. (Rückbeil, Georg; 1881 – после 1917)] продолжал, хотя уже в значительно более скромных размерах, дело отца в том же Пржевальске [где раньше жил отец], а другой, В.Е. Рюкбейль [наиболее известный нам по делам Василий Евгеньевич Р. (Rückbeil, Wilhelm; 1878 – после 1916)], до самого последнего времени занимался сборами в Джаркенте (современный г. Жаркент в Казахстане), причем не ограничивался насекомыми, а собирал и птиц, и даже млекопитающих» (Шнитников, 1925).

Как известно, с началом Первой мировой войны в русском обществе на почве германофобии прошла волна шпиономании с гонениями на немцев. То, что Рюкбейля без проблем пропускали через границу говорит о том, что, несмотря на национальность его отношения с властями были хорошими. После 1916–1917 гг. сборы Рюкбейлей неизвестны. Что произошло? Мы предполагаем, что в 1916 г. они могли пасть жертвой общеизвестного межнационального конфликта в Туркестане, возникшего после царского указа о мобилизации инородцев, когда погибли 2,5 тысячи русских (причем много истреблено позверски), а потом регулярные войска, посланные на подавление восстания, уничтожили многие тысячи местных. До 300.000 киргизов и казахов бежали тогда в китайский Туркестан. А следом и наша революция подоспела, с национальными особенностями, конечно; затем была калейдоскопическая смена властей во время Гражданской войны, озлобление обнищавшего народа, ушли за границу остатки белых войск, началась многолетняя борьба с басмачеством. История тех мест драматичная и сложная. Шансов сгинуть было много. Можно только гадать, что с ними случилось. На Волге тоже жизнь шла не гладко, все тоже, да еще голод, репрессии, депортация немцев Поволжья. Долго ли сохранялись там и здесь традиции семейного коллекторского бизнеса? Возможно, ответы на эти вопросы могли бы дать ныне живущие в России поколения носителей фамилий Рюкбейль и Рикбейль, потомки колонистов Сарепты, жителей Джаркента и Пржевальска.

Насколько нам известно, последним в 1909–1910 гг. при финансовой поддержке Р. Танкрэ на русский Дальний Восток приезжал Вильгельм Мау (Maу, Wilhelm; годы жизни неизвестны), коллекционер-лепидоптеролог из города

Альтона (сейчас район Гамбурга). Этот вывод мы сделали, когда узнали из его слов в публикации, что большая часть сбора шла в пользу фабриканта (Мау, 1910). Ее содержание показалось нам любопытным, а главное, никому неизвестным, если судить по тому, что за сто лет никто ни разу на нее не сослался. И это несмотря на ажиотажный спрос на желтых аполлонов, всегда существовавший среди любителей и профессионалов! Поэтому мы перевели ее и прилагаем к докладу.

К сожалению, об авторе нам почти ничего не удалось выяснить. Если ориентироваться по рекламе продаж в энтомологических журналах, до поездки к Тихому океану он совершил путешествие на Север, в Лапландию. Дальневосточных бабочек ездил собирать на р. Тетюхе (сейчас – Рудная), в Приморье. Свою статью в журнал отправил из Благовещенска-на-Амуре. Писал ее в пути? Как стало известно по коллекционным материалам, в июне 1910 г. он ловил в Радде и Помпеевке на Малом Хингане, и сборы частично попали к Л.У. Ротшильду в Тринг-музей. Возможно, в знак благодарности за это Ротшильд профинансировал издание его книги о Бальтазаре Хубмайере, религиозном деятеле Реформации в Юго-Западной Германии, участнике Крестьянской войны 1524–1525 гг., впоследствии знаменитом анабаптисте (Мау, 1912). Заметим, что по данным «Википедии» часть анабаптистов влилась в Моравскую церковь братьев-гернгутеров, уже знакомых нам по Сарепте. Не был ли Вильгельм Мау священнослужителем?

Далее его следы как энтомолога теряются. Он также как многие люди мог не пережить страданий народов в годы Первой мировой, эпидемию испанки и т.д. Как известно, его имя носит таксон *Parnassius felderi maui* Sheljuzhko, 1914 с Южного Сихотэ-Алиня. По всей видимости, его планам вывести из яиц преимагинальные стадии аполлона Фельдера и так найти его надежные отличия от аполлона Эверсманны не суждено было осуществиться.

Подводя итог, мы можем признать, что писать о коммерсантах от биологии чрезвычайно сложно. Может в большинстве случаев это не специально, но все эпизоды их деятельности в той или иной степени окутаны завесой тайны. Даже о такой широко известной фирме как «Штаудингер и Банг-Хаас» опубликовано только одно исследование. И все-таки основная задача была решена, нами определен круг лиц, действовавших в интересах Рудольфа Танкрэ, выявлены научные интересы его самого и главной клиентуры. Все исследователи, знакомые с работой Рюкбейлей, отмечали выдающиеся результаты, достигнутые ими в организации полевых исследований, искусстве препарирования, методике поиска и добывания животных. В один голос они выражали сожаление тем, что не смогли найти сведений, достаточных для создания серьезного биографического очерка. Кажется, нам удалось приблизиться к решению этой задачи, и в следующий раз мы продолжим тему, начатую в данном сообщении.

Благодарности

Автор выражает искреннюю признательность за помощь в сборе информации и материалов для статьи Ю.А. Чистякову (ФНЦ Биоразнообразия наземной биоты Восточной Азии ДВО РАН, г. Владивосток), В.В. Дубатолову (ИСиЭЖ

СО РАН, г. Новосибирск), Е.Э. Шергалину (Мензбировское Орнитологическое Общество, г. Таллинн, Эстония) и Х. Ротхаушеру (Hans Rothauscher, Bülkau bei Cuxhaven in Niedersachsen, Bundesrepublik Deutschland).

ЛИТЕРАТУРА

Богданов М.Н. 1871. Птицы и звери Черноземной полосы Поволжья и долины Средней и Нижней Волги (био-географические материалы). *Труды общества естествоиспытателей при Императорском Казанском университете*, 1(1): 1–226.

Вашкау Н.Э. (авт.-сост.). 2009. *История Сарепты в документах: Сб. док.* Волгоград.: Волгоградский гос. унив. 275 с.

Грумм-Гржимайло А.Г. 1947. *Дела и дни Григория Ефимовича Грумм-Гржимайло (путешественника и географа). 1860-1936.* М.: МОИП. 94 с.

Новомодный Е.В. 2002. *Пятилетнее путешествие Л. Грезера и его значение для исследования чешуекрылых (Lepidoptera, Insecta) Дальнего Востока.* Дневные бабочки Северной Азии. Сайт памяти Юрия Петровича Коршунова. Available from: <http://www.jugan.narod.ru/Graeser.htm> (Accessed: 4 April 2018).

Новомодный Е.В. 2003. Путешествие Л. Грезера (1881–1885 гг.) и его значение для исследования чешуекрылых (*Lepidoptera, Insecta*) Дальнего Востока. *Чтения памяти Алексея Ивановича Куренцова. Вып. 13.* Владивосток: Дальнаука. С. 5–30.

Новомодный Е.В. 2007. Дальневосточное путешествие Г.Ф. Христофа (1876–1877 гг.). *Чтения памяти Алексея Ивановича Куренцова. Вып. 18.* Владивосток: Дальнаука. С. 5–28.

Новомодный Е.В. 2012. Коллектор-исследователь Дальнего Востока Фриц Дёррис из Гамбурга. *Чтения памяти Алексея Ивановича Куренцова. Вып. 23.* Владивосток: Дальнаука. С. 18–37.

Сушкин П.П. 1938. *Птицы Советского Алтая и прилежащих частей Северо-Западной Монголии.* Т.1. М.-Л.: АН СССР. 317 с.

Харин Е. 2009. *Гураны. Часть 2. Старая фотография.* Сайт Переводика. Available from: <http://perevodika.ru/forum/index.php?showtopic=3049&st=0&p=26431&#entry26431> (Accessed: 4 April 2018).

Шнитников В.Н. 1925. История научного исследования Джетысу (Семиречья). *Джетысу (Семиречье). Естественно-историческое описание края.* Ташкент: Узбекское гос. изд-во. С. 1–31.

Штраух А.А. 1889. *Зоологический музей Императорской Академии наук. Пятидесятилетие его существования. Обзор основания, постепенного расширения и современного состояния музея.* Санкт-Петербург: Имп. Акад. Наук. 372 с.

Anonym. 1933. Ein Neunzigjähriger. Rudolf Tancreé, geb. 24.12.1842. *Heimat-Kalender für Stadt und Kreis Anklam*, 28: 74.

Becker A. 1853. Verzeichnis der in Jahren 1849-1852 bei Sarepta beobachteten Vogel. *Bulletin de la Société Impériale des Naturalistes de Moscou*, 26(1): 239–241.

Blasius R. 1884a. Naturhistorische Studien und Reiseskizzen aus Mark und Pommern. Teil 2. *Monatsschrift des Deutschen Vereins zum Schutze der Vogelwelt*, 9(10): 235–252.

Blasius R. 1884b. *Ellobius Tancrei* nov. sp., ein neuer Moll-Lemming oder Wurfmoll aus dem Altai-Gebiete. *Zoologischer Anzeiger herausgegeben von Prof. J. Victor Carus in Leipzig*, 7(157–184): 197–201.

Bodomeyer, B. von. 1927. *Ueber meine Entomologischen Reisen nach Kleinasien (1911), Ost-Sibirien, Schilka und Amur (1912), Tunis, Oasis Gafsa, Khroumerie (1913) und Iran, das Elbursgebirge (1914).* Bd. 2: *Ost-Sibirien, Schilka und Amur.* Stuttgart.: Alfred Kern Verlag. 90 p.

- Christoph H. 1878.** Nach und vom Amur. *Entomologische Zeitung herausgegeben von dem entomologischen Vereine zu Stettin*, 10–12: 201–219, 401–410.
- Demidoff E. 1904.** *A shooting trip to Kamchatka*. London: Rowland ward. 302 p.
- Gebhardt L. 2006.** *Die Ornithologen Mitteleuropas: 1747 bemerkenswerte Biographien vom Mittelalter bis zum Ende des 20. Jahrhunderts*. Wiebelsheim: Aula-Verlag. 832 p.
- Graeser L. 1888a.** Beiträge zur Kenntniss der Lepidopteren-Fauna des Amurlandes. Teil 1. *Berliner Entomologischen Zeitschrift*, 32: 33–153.
- Graeser L. 1888b.** Beiträge zur Kenntniss der Lepidopteren-Fauna des Amurlandes. Teil 2. *Berliner Entomologischen Zeitschrift*, 32: 309–414.
- Graeser L. 1889.** Beiträge zur Kenntniss der Lepidopteren-Fauna des Amurlandes. Teil 3. *Berliner Entomologischen Zeitschrift*, 33: 261–268.
- Graeser L. 1890.** Beiträge zur Kenntniss der Lepidopteren-Fauna des Amurlandes. Teil 4. *Berliner Entomologischen Zeitschrift*, 35: 71–84.
- Graeser L. 1892a.** Beiträge zur Kenntniss der Lepidopteren-Fauna des Amurlandes. Teil 5. *Berliner Entomologischen Zeitschrift*, 37: 209–234.
- Graeser L. 1892b.** Neue Lepidopteren aus Central-Asien. *Berliner entomologische Zeitschrift*, 37: 299–318.
- Homeyer E.F., von. 1837.** *Systematische Uebersicht der Vögel Pommerns mit Rücksicht auf den allgemeinen Charakter des Landes, das örtliche und quantitative Vorkommen der Vögel, ihre Lebensart, ihren Zug und ihre Abänderungen, nebst Beiträgen zur beschreibenden Naturgeschichte*. Anclam: W. Dietze. 92 p.
- Homeyer E.F. von., Tancré C.A. 1883.** Beiträge zur Kenntnis der Ornithologie Westsibiriens, namentlich der Altai-Gegend. *Mitteilungen des Ornithologischen Vereins in Wien*, 7: 81–92.
- Horn W., Kahle I., Friese G., Gaedike R. 1990.** *Collectiones entomologicae: Ein Kompendium über den Verbleib entomologischer Sammlungen der Welt bis 1960. Teil 1. A bis K; Teil 2. L bis Z*. Berlin: Akad. Landwirtschaftswiss. der DDR. 220 p. + 221–573 p.
- Mau W. 1910.** Etwas über *Parnassius Eversmanni* Menetries. *Entomologische Zeitschrift. Central-Organ des Entomologischen Internationalen Vereins*, 24: 1–3.
- Mau W. 1912.** Balthasar Hubmaier. *Abhandlungen zur mittleren und neueren Geschichte. Heft 40*. Berlin & Leipzig: Walther Rothschild. 86 p.
- Staudinger O. 1892.** Die Macrolepidopteren des Amurgebiets. I Theil. Rhopalocera, Sphinges, Bombyces, Noctuae. *Mémoires sur les Lépidoptères, Ed. N.M. Romanoff*, 6: 83–658.
- Tancré C.A. 1839.** *Die Weiß-Seifensiederei auf ihrem jetzigen Standpunkte oder gründliche Anleitung die weiße Seife sowohl fabrikmäßig, als auch für den Hausbedarf zubereiten. Zweite Ausgabe*. Leipzig: E. Eisenach. 101 p.
- Tancré R. 1879.** Zwergtrappe bei Anklam erlegt. *Ornithologisches Centralblatt. Organ für Wissenschaft und Verkehr. Beiblatt zum Journal für Ornithologie*, 4: 31.
- Tancré R. 1881a.** Eine neue *Limenitis*-Art vom Amur. *Entomologische Nachrichten herausgegeben von Dr. F. Katter in Putbus*, 7(8): 120.
- Tancré R. 1881b.** Ornis von Hiddensee. *Ornithologische Briefe. Blätter der Erinnerung an seine Freunde gesammelt von E. F. von Homeyer*. Berlin: Th. Grieben. P. 263–276.
- Tancré R. 1882.** *Fastor roseus* und *Falco rufipes* bei Anklam erlegt. *Ornithologisches Centralblatt. Organ für Wissenschaft und Verkehr. Beiblatt zum Journal für Ornithologie*, 7: 141.
- Tancré R. 1888.** Das Steppenhuhn. *Syrrhaptus paradoxus* Pall., bei Anklam. *Mitteilungen des Ornithologischen Vereins in Wien*, 12(1): 108–109.

Кое-что о *Parnassius Eversmanni Ménériès*.

Вильгельм Май, г. Альтона.

Достоин удивления сегодня то, чего в последней половине прошлого столетия достигли энтомологические исследования на Дальнем Востоке громадной Российской Империи. Хотя многие коллекционеры провели годы, изучая фауну чешуекрылых этих огромных пространств и путешествуя по разным районам, для энтомолога все еще остается немало: в Сибири есть большие территории, которые европейцы посещали редко или не бывали там вообще, их можно считать совершенно неисследованными в энтомологическом отношении. Однако ожидать сегодня в Восточной Сибири открытия многих совершенно новых для науки видов уже нельзя. Как и в Европе, даже открытие одного нового вида, без преувеличения можно рассматривать как событие. Тем не менее, лепидоптерологические исследовательские экспедиции на Дальний Восток России по-прежнему предоставляют науке ценные услуги, особенно тем, что обогащают наши знания о географическом распространении бабочек. Так, в течение нескольких лет старательно собиравший в Южно-Уссурийском крае доктор Арнольд Мольтрехт, в чьей приятной компании я провел во Владивостоке прекрасный день, посвященный лепидоптерологии, нашел своего только недавно кратко описанного в данном журнале *Limenitis eximia* Moltrecht, 1909 около с. Анучино. Однако, по-видимому, он представляет собой лишь несколько более темную форму известного из Китая *Limenitis pratti*.

Мне тоже повезло во время собирательской поездки, которую я совершил в прошлом году в долину речки Тютю-хо (по-китайски «кабанья речка»). Она берет свое начало на восточном склоне хребта Сихотэ-Алинь и впадает в Японское море примерно в четырёхстах верстах севернее Владивостока. В этом районе, раньше не посещавшемся энтомологами, были сделаны по-настоящему интересные сборы, подробную обработку которых, сожалению, я должен был пока отложить. Из других находок на мою приманку прилетела замечательная совка *Perigrapha circumducta* (Lederer, 1855), наличие которой еще не было отмечено для фауны этих мест.

Важным вкладом в изучение фауны чешуекрылых Восточной Сибири может служить тот факт, что в этой долине мной наблюдался и был отловлен в количестве нескольких пар *Parnassius evermanni*. Прежде чем я непосредственно перейду к описанию этой находки, необходимо ознакомиться с известной ранее областью распространения этой бабочки.

Первые экземпляры этого вида, а именно самцы, были добыты доктором Штуббендорфом в 1847-1850 гг. около Канска, на нижнем [правильно – верхнем – Е.Н.] Енисее. По самцу, полученному оттуда, Менетриэ описал его в 1855 г. в «Enumeratio corporum animal. Mus. Petropolit.», С. 73. Он посвятил его первому энтомологу России, профессору Эверсманну, дав ему имя *Eversmanni*. В той же работе Менетриэ делает описание самки *Wosnesenski* видимо по экземпляру, пойманному в те годы к северо-востоку от Охотска. Он ошибочно считал эту самку особым видом, потому что написал следующее: «я предпочитаю описывать её отдельно, так как задние крылья указали мне на слишком заметные отличия, чтобы приписать их только половым признакам», которого назвал в честь его первооткрывателя – *Parnassius Wosnesenskii*, С. 74.

Как и многие сибирские виды почти тридцать лет эта бабочка была хорошо забыта, пока Луису Грезеру, который в 1881–1885 гг. ездил в Приамурье по заданию гамбургского коллекционера Дикманна, удалось снова найти прекрасную бабочку около Николаевска, в негостеприимном устье Амура. Г-н Л. Грезер, которому я обязан за некоторые данные мне перед поездкой в Сибирь полезные советы, поставил себе бессмертный памятник, собрав здесь свою столь интересную и чрезвычайно ценную коллекцию, и описав полученные результаты в научной энтомологии. Он упоминает в своей работе «Beiträge zur Kenntnis der Lepidopteren-Fauna des Amurlandes», первая часть которой была опубликована в 1888 г. в «Berliner entomologischen Zeitschrift», С. 65, что в 1881 г., несмотря на все усилия, добыл лишь 3 самца и 16 самок, а в 1884 г. только 12 самцов и 18 самок.

В 1888 г. Великий Князь Николай Михайлович [Романов] отправил энтомолога Герца в район Лены и Енисея. Последний прожил там до 1889 г., и должно быть поймал *Eversmanni* в большом количестве, поскольку Музей естественной истории Гамбурга также владеет двумя самцами из этого сбора, один из которых имеет этикетку: «Herz, Wilui, Lena-Gebiet, 22 Juni 1888», а другой – «Herz, Lena-Gebiet, Aug. 1889».

В то же самое время австриец Ледер путешествовал по Алтаю, главным образом чтобы собирать жуков. Однако, между делом он занимался также ловлей бабочек, и господин Грезер сообщил мне, что Ледер упоминал в своих путевых заметках, что в большом количестве имел в сборах желтых *Parnassius*'ов. Ну и, пожалуй, ещё самцы *Eversmanni*, которых добыл Генри Джон Эльвес во время сделанной в конце прошлого столетия поездки на Алтай («On the Lepidoptera of the Altai Mountains». - Trans. Ent. Soc. London, 1899). Сначала 13 июля на болотистом лугу в долине реки Даркоти, довольно заросшем альпийской растительностью, на высоте семи тысяч футов часто встречались желтые самцы. Он ждал здесь самок четыре дня, но все же должен был продолжить путешествие «without getting any» [без них]. В этих горах Эльвес ловил самцов *Eversmanni* в различных местах: так, два очень сильно облётанных экземпляра были пойманы 24 июля на Курайском перевале. Говорят, что алтайские бабочки не отличаются от канских образцов и от тех, которые были собраны Герцем на Вилюе и Витиме (притоках Лены), но все же они мельче амурских.

Из этих литературных данных видно, что бабочка распространена широко, и *Eversmanni* может рассматриваться как находящийся у себя дома на всем Северо-Востоке Азии. В качестве единственного представителя рода *Parnassius* он переходит через Полярный круг и встречается даже в Новом Свете, так как Стрекер [H. Strecker] в 1878 г. и Диар [Dyar] в 1902 г. указали его в каталогах североамериканских бабочек для Аляски.

Теперь, если взять в руки атлас и посмотреть на карту Сибири, местоположение вновь обнаруженного мной места обитания должно чрезвычайно удивить: шумливая Тютю-хо сбрасывает свою воду в море почти в тысяче вёрст к югу от устья Амура! Невольно возникает вопрос: всегда ли этот вид должен встречаться в горах побережья, южнее Николаевска? Или он только в последнее время проник на юг?

Справедливости ради, стоит отметить, что Южно-Уссурийский край хорошо изучен. Нанятые доктором О. Штаудингером братья Дёррис годами собирали в разных местах, – во Владивостоке, на Уссури, Бикине, Сучане и в других. Ценными достижениями наука обязана также и другим, – таким как поляк Янковский, особенно данными о фауне чешуекрылых о. Аскольд и п-ва Сидеми. В ближайшем будущем доктор Мольтрехт подробно расскажет всем о бабочках Уссури и Прибрежной провинции [Маньчжурии]. Но всё же, ни в каком другом до сих пор осмотренном месте к югу от Николаевска бабочка не была пойманной или хотя бы увиденной!

Мое место сбора находилось на реке, в тридцати пяти верстах от морского побережья, на высоте двести пятьдесят метров над уровнем моря. Климат здесь немного более суровый, чем во Владивостоке, зимой холод до сорока градусов. Уже 14 октября, перед моим отъездом, выпал первый снег.

Ниже следующие заметки из моего дневника могут быть интересны и важны:

16 июля 1909 г. Прекрасная, солнечная погода, тепло, к полудню становится душно. Мы попали на время основного лёта многих сибирских дневных бабочек. Первые самцы больших *Apatura schrenckii* в сообществе с европейскими *Apaturen iris-ilia* встречаются по дороге на конском навозе.

Примерно в половине десятого утра я двигался вниз по течению, занимаясь главным образом ловлей самок *Colias aurora* и *Parnassius bremeri*. Мне удалось собрать изрядное количество тех и других, потому что они очень охотно посещают цветки узколистного иван-чая, которым покрыты большие площади. Среди пойманных бабочек встречаются очень красивые, прекрасно расписанные экземпляры, среди *Aurora* – белая разновидность *choe* Ev. В сборы попадает недавно вылетевший первый самец *Parnassius nomion*, медленно паривший вдоль скалистого, солнечного склона. Полдень я встретил на влажном месте с богатой растительностью. И тут мимо меня с необыкновенной быстротой пролетала желтая бабочка. Я чрезвычайно удивился, так как задержки в полёте на одно мгновение было достаточно, чтобы стало понятно, что она относится к представителям рода *Parnassius*. Она не могла быть особью наблюдавшихся до сих пор видов парнассиусов, так как у тех много более спокойный полет. Желтая бабочка мгновенно скрылась из виду, но теперь охотничья страсть всецело завладела мной, и мне удалось повстречать ее снова, так как она села на влажный песок и жадно пила. Едва удалось к ней приблизиться, как она уже собралась было улететь, но все же мне хватило одного взмаха сачком, чтобы осторожная бабочка попала в плен. Следующий желтый самец снова был захвачен пьющим на берегу реки. (Среди разных найденных мной до сих пор парнассиусов это первый вид, у которого есть такая привычка). Две самки пойманы на цветках иван-чая. Желтых самцов *Eversmanni* я уже рассматривал в коллекциях у господ Дёрриса и Грезера, но все-таки я не могу поверить в то, что бабочка идет на юг [так далеко], и что это тот же самый вид. Вечером я сравнивал бабочек с изображениями *Parnassius Felderi* у Бремера, и не мог найти различий.

19 июля. [В письме] г-ну Рудольфу Танкрэ, во владение которого отходила самая значительная часть собранного, я написал: «Должен Вам сообщить, и Вы, вероятно, будете считать это неправдой, что шестнадцатого числа данного месяца я поймал две свежие пары *Parnassius Felderi*».

К сделанным летом заметкам добавлю следующее: до 1 августа я поймал еще несколько экземпляров этого вида, самцов и самок в примерно равном соотношении. С 1 августа до конца месяца я не видел больше ни одного экземпляра, но 1 сентября снова встретился свежий самец, который отличался от пойманных в июле несколько более мелкими размерами.

Осенью, получив бабочек, господин Танкрэ сообщил мне, что парнассиусы, которых я называю *Felderi*, типичны для *Eversmanni*. Он написал: «Я рассматриваю парнассиусов, которых Вы считаете *P. Felderi*, лишь в качестве *P. Eversmanni*, из-за отчетливого желтого цвета самцов, чего не бывает у *Felderi*. В чем-то другом, среди которого возможно самое значительное это меньшие размеры, они не отличаются друг от друга. Ранее я высказывал Грезеру и Штаудингеру свое мнение о том что они представляют собой один вид, которое снова подтвердилось Вашими экземплярами. Я твердо убежден, что *P. Felderi* и *P. Eversmanni* являются одним видом, тем более что большинство самок этих двух форм совершенно неотличимы друг от друга».

Не исключено, что в Радде на Амуре (где ловится только *P. Felderi*) в особых условиях, например, климатических, вид превратился в такую как *Felderi* локальную форму. Тем не менее, доказательством этого может быть только открытие гусениц обоих видов и дальнейшее воспитание, так как образ жизни их почти совершенно неизвестен. Если бы текущим летом мне удалось поймать в Хинганских горах самок *P. Felderi* и получить яйца этого вида, их разведение дало бы нам необходимые разъяснения!

Благовещенск-на-Амуре.

THE ACTIVITY OF THE AGENTS EMPLOYED BY RUDOLF TANCRE TASKED WITH COLLECTING NATURAL SAMPLES IN THE RUSSIAN FAR EAST

E.V. Novomodnyi

Khabarovsk Territorial Museum after N.I. Grodekov, Khabarovsk, Russia

E-mail: evgenov@mail.ru

Owing to our long-term searches it is possible in the first time to summarize the data on activity of the collectors of the company belonged to Rudolf Tancre, – an active dealer of natural history objects from North-German town Anklam and also information on his biography as experienced and skillful ornithologist and lepidopterist. Their numerous collections of high quality enriched the world science, were processed by outstanding scientists and carefully are keeping in the largest depositories. It was discovered, that among these people there were three generations of family dynasty of Rickbeil taxidermists originated from Evangelical Brotherhood in Sarepta colony in Volga River area descended from Saxonian town Herrnhut, the Amurian Cossacks of Raddevskaya settlement Alexei Kobyzoff and Vladimir Epifantsev, Prussian lepidopterist Wilhelm Mau from Altona (town-satellite of Hamburg).